

И опять наступила весна

Как сегодня живёт белгородское село Топлинка

Топлинка сегодня

Валентина Петровна Ковалёва: «Тысяча человек в Топлинке жили. У кого трое детей в хате, у кого пятеро. И вдруг

СУДЬБЫ «И опять наступила весна, своя в нескончаемом ряду», – с этих слов начинается повесть Валентина Распутина «Прощание с Матёрой», увидевшая свет в середине 1970-х. Про весну 2020 года тоже, наверное, когда-нибудь напишут книгу. Про отчаяние и веру, самоизоляцию и взаимоподдержку – так получилось, что всё это пришло в нашу жизнь нынешней весной. Но вместе с ней пришёл и жизнеутверждающий праздник – Светлое Христово Воскресение. В этот благословенный день, 19 апреля, мы отправились в Белгородский район, в Топлинку – село, история которого напомнила те строки из распутинской повести.

**НЕЛЛЯ КАЛИЕВА
ПАВЕЛ КОЛЯДИН (ФОТО)**

КАК НА ЛАДОНИ

Кто читал, помнит: Матёра – деревня, жившая несколько веков на одноимённом острове посреди Ангары и попавшая в зону затопления в 1960-е, когда начали строить Братскую ГЭС. Как пишут в учебниках литературы, это произведение о противостоянии старого и нового уклада жизни.

Смену уклада испытали на себе в 1970–80-е годы несколько белгородских сёл, когда на Северском Донце было решено построить Белгородское водохранилище. В 1977-м недалеко от Графовки стали возводить дамбу, объявив о необходимости расселения попавших в зону затопления населённых пунктов, в том числе Топлинка...

В общем-то, это и всё, что мы знаем, направляясь в Белгородский район. А ещё слышаны о том, что по сей день в Топлинке живёт бабушка Валя, которая наотрез отказалась уезжать из родного села.

Поневоле напрашивается сравнение с таёжной отшельницей Агафьей Лыковой. Но от Белгорода до Никольского – всего с десяток километров, до Топлинка – ещё семь. Да и лес за Никольским, через который ведёт нас навигатор, на тайгу не похож. Пока едем вдоль речки (тоже называется Топлинкой), встречаем рыбаков. Дорога через лес пусть и грунтовая, но вполне накапанная, что, впрочем, не мешает нашему водителю ворчать: мол,

если пойдёт дождь, редакционную машину придётся вытаскивать трактором. Небо и вправду с утра хмурится.

Наполненный птичьим щебетом лес обрывается, и вот она, Топлинка, вся как на ладони. Одна усадьба с большим двором и хозпостройками. У самого въезда, будто стражник, встречает нас старая ракета. Годы склонили дерево к самой земле, но оно продолжает жить, выпуская новую листву.

ВОДЫ ТУТ НЕ БУДЕТ

На крылечке дома замечаем молодую женщину:

– Христос воскрес! – подходим ближе, здороваемся. – Вы здесь живёте? – Воистину воскрес! – отвечает женщина. – Нет, я внучка хозяйки. Бабушка сейчас выйдет.

Бабушка Валя – **Валентина Петровна Ковалёва** – будто ждала нас. А может, просто рада возможности поговорить о родной Топлинке, о храме в Никольском, в который – увь! – из-за карантина не поехала в такой великий праздник. Живёт она здесь с дочерью и зятем. Ведут хозяйство, держат живность.

– Дом построил мой муж, **Павел Алексеевич**, – рассказывает бабушка. – Он участник войны, мурманский моряк. Работал в обкоме партии, в горисполкоме, на консервном заводе. Городским тогда в колхозах не разрешали строить, потому моя мама, **Мария Фёдоровна**, сказала: строй на моей усадьбе.

Добротный дом Павел Ковалёв поставил рядом со старой хаткой, которая и сейчас сутулится во дворе.

– Как он любил Топлинку! – вздыхает о муже Валентина Петровна. – И я люблю своё село, это моя родина.

Павел Алексеевич ушёл из жизни в 2004 году. Похоронен капитан третьего ранга на топлинском кладбище, в нескольких десятках метров от дома.

– Не боялись затопления, когда решили остаться?

– Я сама проектировщик, – объясняет хозяйка. – Работала в Белгороде в проектной организации. У нас был инженер-гидротехник Стасик Горбов, он нам сказал, что никакой воды тут не будет. Мы и остались.

В конце 1950-х Валя Сущенко (девичья фамилия) по распределению уезжала из родных мест аж в Узбекис-

тан – участвовала в проектировании электрохимического комбината имени Сталина под Ташкентом. Оставила молодого специалиста в союзной республике, сулили жильё – а всё одно, отработав положенные четыре года, вернулась она в родную Топлинку, где жила и трудилась в колхозе мама, откуда ушёл на фронт отец, **Пётр Евсеевич**. Он погиб в первые месяцы Великой Отечественной.

В детских воспоминаниях остался храм – большой, на два прихода, говорит бабушка Валя. Родная тётя пела в хоре на клиросе. Вместе с другими ребятами, такими же голодными – времён какое! – ходила Валя в храм, батюшка давал на причастие кусочек хлебушка. Разрушили Анно-Зачатьевскую церковь в Топлинке уже в мирные 1950-е.

– Веру в Бога в людях уничтожали, – горько вздыхает Валентина Петровна. – Выбили в церкви окна, положили дров и подожгли. А потом рядом с этим местом школу построили.

ПАСХАЛЬНЫЕ АДРЕСА

Во время нашей беседы к дому подъезжает легковушка. Из неё выходит молодая женщина.

– Христос воскрес! – приветствует нас гостя и обращается к бабушке Вале: – Валентина Петровна, вас не было на службе, поэтому отец Сергей попросил подарок вам завезти.

Поинтересовавшись, не нужна ли бабушке помощь, женщина уезжает – у неё целый список адресов. Народу на Пасху в Никольском храме немного было, а поздравить нужно всех прихожан.

Бабушка Валя вновь мысленно возвращается в те времена, когда топлинцам заявили о необходимости расселения:

– Тысяча человек народу в селе жили. Механизаторы успели здесь себе хорошие дома построить. У кого трое детей в хате, у кого пятеро. И вдруг сказали: ломать! И сейчас вспоминаю – мороз по спине. Приехали японские трактора, колёса – чуть не с тебя ростом. К одному углу подъезжает и долбит его, пока не завалит. Потом с другого угла. Выроет яму и в неё всё заровняет. А такие хатёнки, как у моей мамы, – пожгли. Колёса резиновые бросали, чтоб лучше горело. Люди плакали.

НАСЛЕДИЕ

Александр ФИЛАТОВ

Дед Евсей

(отрывок из рассказа)

Лопата бульдозера упёрлась в завалинку, выкрашенную коровяком и красной глиной, кое-где вытертую от долгого сидения и теперь засыпанную песком, непомерно широкую. Низкая от бремени лет хата вздрогнула, издала какой-то придушенный стук, похожий то ли на вздох, но существа неживого, то ли на шум падающего земляного пласта. Звон стёкол вторил стуку, и казалось: ударили в плохо натянутую кожу барабана и опоздало звякнули медяшками тарелок.

Серая машина, пуская дым в весенний воздух, напрягала силы, то истошно кряхтя, то раскатываясь рёвом. Хату раскачивало из стороны в сторону, она скрипела и выдыхала неясно застоялый воздух вместе с пылью из окон и распахнутой двери, но стояла, удерживалась на земле Бог знает какой силой.

Мальчишки, уже без шапок, иные совсем раздетые, бегали тут же, суетились и визжали, дрались за какую-то железку, найденную в куче мусора, бросали безнаказанно камни в окно. Тут же стояли мужики, ещё нахлобученные, в фуфайках и кожуках, глядя на всё спокойно и простовато, беседуя так, почти ни о чём, изредка сопровождая только им понятным юмором работу тракториста.

Один выкрикивал: «Цибранул её», – и все хохотали, не зная, кого её, что значит цибранул. Но тракторист злился, и они были довольны.

Молодые бабы грызли семечки и судачили, стоя в тесном кружке: у них были особые бабы разговоры, носившие отпечаток глубокой тайны до тех пор, пока кружок не размыкался. Лишь изредка какая-нибудь из них окриком, а то и кулаком предупреждала об опасности ребятишек, выхватывающих из-под гусениц то старый проржавленный замок, то ещё более старую дверную щеколду.

Старухи были грустны, жуя беззубыми ртами свои разговоры, полные воспоминаний, каких-то путаниц и неразберих, прожитые неизвестно в какие века и эпохи.

Вся эта масса людей с раннего утра переходила от дома к дому вслед за машинами, оставив неуправленным хозяйство, некормленных поросят и уток, колхозные бороны и сеялки. Напрасно бригадир грозил кому-то, крича в толпу непристойности. Всё было неуправляемым и вот уже несколько часов шло непривычным чередом, подчиняясь стихии разрушения и нелепому восторгу. Ближе к обеду, охрипший, присмирел и сам бригадир, махнул рукой и придвинулся к мужикам.

НА СНОС ТОПЛИНКИ

*Последним сумраком беды
Не занесёт твои следы.
Порубят сад? Зато в саду
Взрастит стихия лебеду.
Снесут дома?ломают мост?
Затопят выгон и погост?
Часы прервут свой ход и бой...
Но мы-то вечные с тобой,
Как свет звезды, как свет луны,
Как продолженье жизни – сны,
Где всё летит, где все летят:
Деревня, хата, спелый сад
И я с тобой, и ты со мной,
И край могилы ледяной –
За пять, за десять, за сто лет
До наступленья истых бед.*

Так сегодня выглядит дом, в котором жил Александр Филатов

ЗАПУСТЕНИЕ И РАЗРУХА

Идея создать на базе дома, в котором жили Филатовы, некое культурно-историческое пространство звучала на уровне районной и областной властей ещё несколько лет назад. Но до реализации дело так и не дошло, и нетрудно догадаться, что вопрос упирается в деньги.

Сейчас здесь запустение и разруха. Выбитые окна, остатки незамысловатой утвари... Как в филатовских строках: «взрастила стихия лебеду». Больно видеть это, тем более после всего, что мы сегодня узнали об истории Топлинки.

Позже в телефонном разговоре Александр Филатов-младший нам расскажет, что дом был на балансе сельсовета и предназначался для учителей Топлинской школы. Организации, сносившей дома, платили за частный сектор, а снос школы и учительского домика не оплачивали. Школу потом разрушили, разобрали по кирпичикам. А дом уцелел.

Из известных мне односельчан никто не радовался переезду, – говорит Александр Александрович. – Но тогда все были законопослушными и, кроме моего папы, открыто никто не протестовал, хотя все возмущались. Кто согласился уехать из села – уехали. Остались только настоящие хозяева, как Ковалёвы. Трагедия для людей заключалась в том, что приходилось бросать всё, что было нажито по крохам. Один из жителей села в течение многих лет покупал по 2–3 кирпича в день, построил дом, а его потом снесли. Нарушение многолетнего уклада жизни трагически повлияло на людей.

МОЖНО БЫЛО НЕ РАССЕЛЯТЬ

Пока мы, словно зачарованные, знакомимся с Топлинкой, на небе рассеиваются облака, а с ними – опасность, что дождь размочит грунт. Между тем к кладбищу время от времени подъезжают автомобили. Так уж повелось в народе – в Свет-

лое Христово Воскресение проводить усопших.

На топлинском кладбище есть забытые могилки – только покосившийся безымянный крест хранит место упокоения. Но больше, кажется, могилко ухаживенных – с оградками, цветами. У некоторых памятников на тарелках лежат пасхальные куличи и крашеные яйца. Люди, приехавшие, как мы, в этот светлый день в Топлинку, приветливы и охотно вступают в беседу.

– Когда село расселили, в Никольском на Пасху собирали приезжих и автобусом возили в Топлинку, – рассказывает Владимир. – Бывало, в распутицу на тракторе везли. И батюшка с ними приезжал. А сейчас народу мало осталось, потому и ездит каждый сам.

Вообще, говорит он, была традиция приезжать на кладбище на Радолицу, но этот день выпадает на будни, а Пасха – выходной, потому и сподручей. Владимир живёт в Белгороде, сегодня приехал с семьёй – на могилы родственников. В Топлинке прошли несколько его детских лет:

– Здесь такая красотища! Никогда ветра не было. Сад колхозный рос – яблони, груши, сливы... Очень много хмеля росло. Школа очень хорошая была, её мои родители строили.

Юрий Сущенко приезжает в Топлинку не только на Пасху: здесь похоронен отец, другие родственники. Мальчишкой во время летних каникул гостил в селе у родной тётки:

– Когда село стали расселять, некоторые обрадовались. Мол, надоело в халупах жить, думали, лучше заживут. А что толку? Старушки, которых позагоняли в квартиры, умирать начали. На третий этаж поселили бабу – она разве спустится? В селе хоть выйдет в огороде поковыряется, с соседями пообщается. Топлинку можно было и не выселять. Не всё ведь село под воду ушло. А какой клуб был! На кирпичи его постепенно растащили.

...Мы покидаем Топлинку, прощаемся с её хранительницей, бабушкой Валей. «Я вас за здоровье запишу», – машет рукой нам вслед. Сердце наполняется щемящей грустью. Имя которой – Топлинка. БП

сказали: ломать»

Для переезда – в основном в Никольское, где специально построили жильё, – топлинцам выделяли транспорт:

– Первым квартиры дали хорошие, трёхкомнатные. А таким, как моя мама, построили двухэтажный семиквартирный дом. Что в той квартире делать сельскому человеку? Вот приду в Никольское, а наши люди в оконушки смотрят: «Валка приехала!». Скучали там они.

Стояла в Топлинке подстанция на 6 тысяч вольт. Увезли её – начались у Ковалёвых проблемы с электричеством. В конце концов протянули кабель от бывшей колхозной мастерской, и свет налажался. Единственную ныне улицу называли Школьной. Потому что, объясняет бабушка Валя, прежде этой улицей ребятыня в школу бегала:

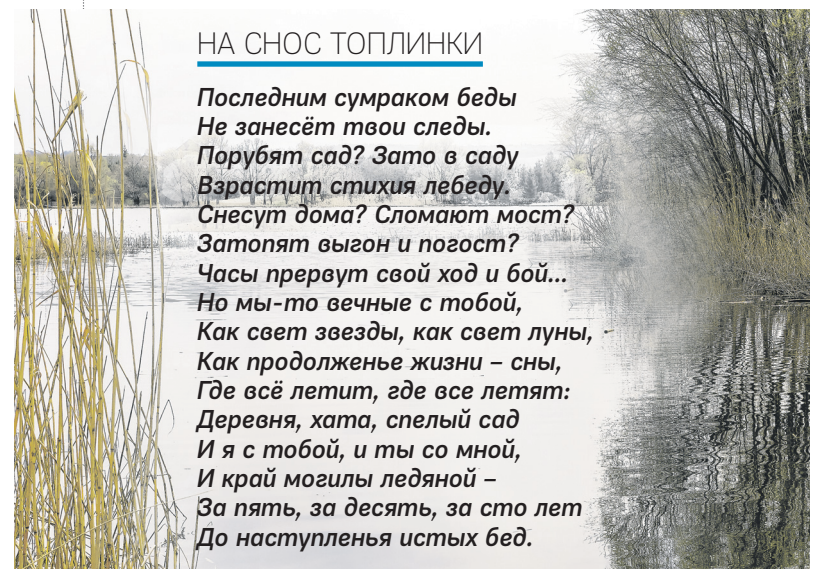
– Начальство знает, что я здесь живу, зимой дорогу расчищают от снега. Я раньше к Никольскому относилась, теперь определили к Разумному. В феврале приезжали глава (администрации поселения. – Н.К.) и два секретаря, поздравляли меня с юбилеем.

Чуть дальше по Школьной, среди зарослей деревьев и кустарников, виднеется домишко. Пустой, без хозяев, но именно он наполняет Топлинку особой памятью. Здесь жил поэт Александр Филатов, отчаянно пытавшийся отстоять родное село. Работал учителем в Топлинской школе. В 1982-м он с женой и сыном уехал в Белгород. Спустя шесть лет Александр Константинович ушёл из жизни, обретя вечный покой на кладбище в Никольском.

– На месте дома Филатовых раньше другой стоял, – вспоминает бабушка Валя. – После войны в нём был колхозный детский сад. Я девочкой ходила туда помогать, носила пелёнки на речку стирать, меня за это кормили. Филатовы тогда своих детей – Сашу, Витю и Валю – водили в тот сад. Так что я Сашу помню с самого детства. Какой красивый мальчик был!

Теперь в Топлинку приезжает сын поэта Александр.

– Необыкновенный парень, – говорит о нём Валентина Петровна. – Книгу отцовскую мне подарил. Я ему говорю: «Саш, не волнуйся, домик я охраняю. Как только едет кто-то – я в окошко вижу». Сколько раз разные люди приезжали, говорили: будем дом Филатовых облагораживать. Но пока никто не взялся.

*Идея создать на базе дома,
в котором жили Филатовы,
некое культурно-историческое
пространство звучала на уровне
районной и областной властей
ещё несколько лет назад.
Но до реализации дело так и не дошло,
и нетрудно догадаться,
что вопрос упирается в деньги*

В тему

Фильм белгородского тележурналиста
Евгения Дубравного
«Я воскресну в травах спелых» посвящён
Александру Константиновичу Филатову:

